

Никита Харламов

Городские виды, реальные и воображаемые

Ben Highmore. Cityscapes: Cultural Readings in the Material and Symbolic City. Houndmills and London: Palgrave Macmillan, 2005. – 192 p.

В англо-английском словаре вы скорее всего не найдете слово «scare» как самостоятельное слово. В ботанике это слово обозначает некоторые виды черенков растений. В широком же употреблении оно встречается почти исключительно как суффикс при существительном, обозначающий «широко простирающийся вид [на что-то]». Так устроено хорошо знакомое нам слово «ландшафт» (landscape), по аналогии с которым легко понять смысл других подобных англоязычных слов – таких, как «seascape» (вид на море). Впрочем, современный медийный мир побуждает креативно использовать слова, потому этот суффикс попадает уже и в названиях компаний или программных продуктов (подчас занимающихся трехмерным моделированием и визуализацией). А применительно к звуку идея «soundscape» лежит в основе ряда направлений в музыке, создающих поглощающие слушателя музыкальные среды и окружения, компонентами которых часто оказываются всевозможные не-музыкальные звуки, от звуков природы до шума города; а также в основе все более популярной и актуальной «акустической экологии».

Устоявшееся слово «cityscape» обозначает *вид города* и часто применяется для обозначения определенного рода фотографий и других *изображений*, на которых запечатлены виды городов мира. На пороге второго тысячелетия этот вариант использования суффикса «scare» приобретает все большую актуальность: более половины населения земного шара живет в *городских условиях*, и условия эти в большинстве случаев далеки от идеального городского вида, как его можно найти на тиражируемых туристической индустрией ярких фотографий фешенебельных районов мегалополисов подобных Лондону или Нью-Йорку. Тем более интересными для социального ученого становятся всевозможные *городские виды*: от туристических фотографий до детских рисунков, от литературных образов до компьютерных моделей и симуляций. Если попробовать определить место этих видов в «мире» городов, то в первом приближении можно попытаться обратиться к привычному разделению материального и идеального. Если земля, улицы, дома, транспорт принадлежат к материальному «измерению» города, то виды города являются частью его «символического» измерения, наряду с повествованиями о

городе, его образами, «ментальными картами» и многим другим. (Закончить, правда, на этом вряд ли получится, ибо разделение это в свете философской мысли последних десятилетий теряет остатки своей адекватности.)

В арсенале социального ученого много средств, которые можно использовать для изучения видов города. Если принять за рабочее определение вида города «всевозможные символические отображения городской среды в целом или отдельного ее фрагмента», то можно, например, изучать *социальные условия производства* этих самых отображений, отталкиваясь от марксистской посылки укорененности их в материальном и социальном положении их производителей. Пойдя по этому пути, исследователь, например, мог бы попытаться выделить ту социальную структуру, которая является ответственной за производство глянцевого туристического образа города мечты, определить, как именно она работает, а заодно указать на то, как она прямо и косвенно подавляет и репрессирует альтернативные образы города, будь то виды совсем непривлекательных бедных кварталов или полицейские отчеты о высоком уровне преступности, жертвами которой становятся богатые туристы. Сами виды города в такой перспективе окажутся *вторичным продуктом*, за которым лежат мощные социальные силы и конфликтные, быть может классовые, процессы.

Можно, с другой стороны, обратиться к видам города как к *самостоятельной смысловой реальности* и попытаться отыскать, или сконструировать, *метод прочтения смыслов этой реальности*, ее интерпретации, постижения значений, которые в ней существуют, и уловить связь этих значений с тем, что происходит в «актуальной» реальности города. Именно по этому пути идет Бен Хаймор в книге «Виды городов: культурологические прочтения материального и символического города».

Свою цель Хаймор определяет как *прочтение урбанистических текстов культуры* и пытается решить задачу построения такой *методологии исследования, или прочтения*, которая бы обращалась к этим текстам не как к механическим отражениям чего-то, что стоит за этими текстами и что определяет их структуру и содержание, но как к самостоятельной полноправной реальности. Такой подход, указывает Хаймор, предполагает, что тексты культуры сами по себе являются *описаниями городов и городской реальности*. Он сравнивает их с «плотными описаниями» в версии Клиффорда Гирца. И пытается прочесть эти описания именно как *описания*, а не как продукты какого-либо конструирования. Описания эти для Хаймора содержат кинематографию, художественные повествования, визуальное и изобразительное искусство, взятые как поддающийся прочтению текст. Построение методологии прочтения этого текста он проводит исходя из опорной точки своего интереса – движения

(movement and mobility) – и теоретической перспективы ритманализа. *Методология*, пишет Хаймор, является для него практикой – «“практикой делания” [practice of doing] культурологических исследований города, прочтения различных текстуальных объектов и такого их рассмотрения, какое представляло бы их как отражающие и преломляющие культурный материал, из которого они сделаны» (р. xii).

Стоит отметить, что Хаймор не останавливается специально на том, почему именно *города* являются предметом его изучения. С самых первых страниц его книги исследование *городского* представляется самоочевидным и не требующим пояснений того, почему именно *городское* выбрано этим самым предметом. Прояснить этот момент можно, если рассмотреть тот теоретический и методологический ресурс, который привлекает Хаймор.

Ритманализ – это завершающее творение известнейшего французского философа-урбаниста Анри Лефевра. Лефевр в отечественной литературе по странному стечению обстоятельств оказался гораздо менее известен, чем такие его французские современники, как Бодрийяр или Бурдьё. Тем не менее влияние его на современную западную гуманитарную науку огромно. Лефевр прожил очень долгую жизнь и за более чем 60 лет работы написал свыше 50 книг. Известен он в первую очередь неомарксистской критикой повседневной жизни, критикой городов и городской революции как верховной формы современности, а также критическим исследованием пространства как социального продукта. Волновал Лефевра и вопрос о *времени*. Предложенным им преодолением противопоставления времени и пространства стал ритманализ – способ описания и понимания ритмов городской жизни. Книга с одноименным названием вышла через год после смерти Лефевра, в 1992 году, а на английский была впервые переведена только в 2004-м¹. Для Лефевра ритманализ, как и большая часть его творчества, неразрывно связан с городской средой и городским пространством.

¹ *Lefebvre H. Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life / Trans. S. Elden, G. Moore. Intro. S. Elden. London and New York: Continuum, 2004 [1992].* Строго говоря, «Ритманалитический проект» – это несколько небольших статей и развернутая статья «Элементы ритманализа». Именно последняя публиковалась отдельной брошюрой в 1992 году, а англоязычное издание в добавление к ней содержит еще некоторые тексты. В настоящее время, спустя десятилетие после увлечения географов и социологов лефевровской критикой пространства, в англоязычной литературе наблюдается своего рода «ренессанс» Лефевра, но уже в более широком ключе, с учетом других его работ, широко переводящихся сегодня на английский.

Хаймор пытается продолжить работу Лефевра и применить ритманализ к изучению *текстов культуры о городе*. Для Хаймора ритманализ направлен на «отношения между различными формами движения и пространственной организации, между длительностями и отдельными моментами» (р. 9). Фокусом внимания для него становится движение. Он обращается к тому, какого рода *движение* и какая *динамика городской жизни* прослеживается в различных городских текстах культуры.

Такое прочтение текстов неизбежно сталкивается с проблемой *сложности городской реальности*. Но если социология в ее обыкновенном понимании пыталась бы «редуцировать» комплексность, снизить сложность, подчинить реальность организующим и структурирующим схемам, то Хаймор идет по другому пути. Его книга, в сущности, является *негативным ответом* на два поставленных им в начале вопроса: вопрос о *внятности* (legibility) и вопрос о *свойстве актуального и воображаемого не поддаваться попыткам упрощения и прояснения*. Вместо таких попыток Хаймор *просто читает* городские тексты, превращая их в многообразные описания и нарративы городской реальности, описания, которые не выстраиваются в какую-либо единую схему и не стремятся создать всеобъясняющий принцип, но образуют многочисленные отдельные фрагменты, из которых можно понять, *что происходит* в сегодняшних городах.

Методологические принципы Хаймор рассматривает в первой и заключительной главах книги, вначале излагая свое понимание культуры, творимых ею текстов и проблем внятности и сложности, а в конце – очерчивая методологию ритманализа. Между этими двумя главами расположены пять больших глав, которые посвящены отдельным темам, отдельным видам текстов культуры. В каждой из этих пяти глав так или иначе применяется *ритманалитическая техника* и через призму текстов культуры исследуется *городская мобильность*. Круг тем, охваченных Хаймором, одновременно широк и неполон. Во второй главе это прохожий на улице, бродяга, человек толпы в Лондоне Эдгара По. В третьей главе это хореография шоппинга в парижских пассажах и появление нового типа женщины-покупателя – в текстах Вальтера Беньямина и других критиков городских культур подвижности. В четвертой главе «текстом, подлежащим прочтению» становится фильм «Битва за Алжир» («Battle for Algiers», 1966) Джило Понтекорво, рассматриваемый как интерпретация колониальной и постколониальной пространственной организации неевропейского города. Детектив-нуар становится в пятой главе средством исследования возможностей и ограничений городского передвижения для вымышленных героев, сталкивающихся со вполне реальными проблемами в поисках способов проникновения в различные сферы и части город-

ского мира. Наконец, в шестой главе Хаймор обращается к информационно-коммуникативным сетям и сетевому строению города посредством фильма «Матрица» («The Matrix», 1999) и его опубликованного сценария².

Структура книги, как указывает Хаймор, призвана ввести читателя в проблему с самого начала исследования, но ознакомить его с авторским видением методологии ритманализа только в конце, с тем чтобы читатель смог сперва увидеть ритманализ *в действии*, на конкретном материале, на действительных *видах города* и лишь затем получить отвлеченное абстрактное описание.

Книга Хаймора вряд ли удовлетворит человека, который нацелен на работу в рамках понимаемой конвенционально *социологии города*. Пафос этой книги направлен в прямо противоположную сторону – не на объяснение и фиксацию в абстрактных схемах, но на проникновение в ткань культуры и в актуальную, реальную жизнь города. Не самый прямой путь оказался, на наш взгляд, вполне удачным решением. Действительно, казалось бы, что может быть проще, чем «пойти в народ» и исследовать повседневность и мобильность *на местах*. Тем не менее хотя социология повседневности, равно как и городская этнография, и пытается проводить полевые исследования и фиксировать жизнь *как есть, здесь-и-сейчас*, попытки надстроить над описаниями повседневности тотализирующую схему проваливаются раз за разом, а сами результаты исследований оказываются подчас подозрительно напоминающими те самые тексты культуры, которые изучаются Хаймором. Недаром хорошие этнографические исследования читаются почти как приключенческие романы. *Реальная жизнь*, «живая повседневность» неизбежно ускользает от исследователя.

Показательным сравнением здесь может послужить фундаментальный труд социального географа Эдварда Сохи³. Введя исходную теоретическую схему устройства городского пространства (к слову сказать, опирающуюся на все того же Лефевра, но не на ритманализ, а на его более раннюю работу о производстве пространства), Соха производит внушительный обзор существующих исследований *истории городской среды* (что относится к введенному им первому измерению городского пространства – материальной среде – Firstspace) и составляет каталог исследований города (охватывая второе измерение – отражения городского пространства, знание о нем, в данном случае научное или постигнутое наукой, – Secondspace). Тем не менее для «ухватывания» третьего и

² Мы указываем только основные из рассматриваемых Хаймором текстов, которые определяют облик конкретных глав.

³ См.: Soja Ed. W. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Oxford and Malden, MA: Blackwell Publishers, 2000.

последнего компонента городского пространства – *живого, проживаемого пространства* (Thirdspace) – Соха идет по пути, очень похожему на путь Хаймора и составляет *коллаж* из художественных текстов, стихов, песен, газетных заметок, посвященных Бунтам во имя справедливости (Justice Riots) в Лос-Анджелесе в 1992 году⁴. Чтение этого коллажа и призвано «обратиться» к событию в живой реальности города, «пощупать» его как оно есть, во всей глубине и сложности.

Такое решение – *отказ от тотального проекта и составление частных описаний* – выполнено вполне в духе некоторых современных тенденций в эпистемологии социальных (и не только социальных!) наук. Так, например, схожий отказ от претензий на всеохватность, признание возможности множественных миров, различных форм воображения и «флюидных» результатов и знаний предлагают адепты развиваемой в Ланкастере ветви акторно-сетевой теории и ее эпистемологических приложений⁵. В 1990-е годы всеобщее увлечение постмодернизмом в социальных науках сменилось его не менее всеобщим отторжением (science wars и знаменитый случай Алана Сокала – прекрасная иллюстрация). Сегодня можно наблюдать, как социальные ученые постепенно свыкаются с мыслью, что новая эпоха все же наступила и что ее отторжение бесплодно, продуктивным же является *креативный поиск возможностей познания в условиях постмодерна* (что отнюдь не предполагает принятия собственно постмодернистской установки). Книга Хаймора также может рассматриваться в этом ключе – как отход от притязаний классической социальной науки и попытка более «скромного», хотя и ничуть не менее продуктивного познавательного предприятия.

Осторожное прочтение городских текстов позволяет Хаймору приходиться к интересным выводам, среди которых суждения о том, что городская жизнь и жизнь постсовременной эпохи вовсе не связаны неизбежно и неотвратно с *бесконечным ускорением* (а значит, по меньшей

⁴ Это известный эпизод из современной истории Лос-Анджелеса, когда после показа по телевидению любительской видеозаписи избиения белыми полицейскими водителя-афроамериканца Родни Кинга по городу прокатилась волна разрушительных бунтов против полицейских репрессий и расизма.

⁵ Особенно показательна следующая работа: Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London and New York: Routledge, 2004.

⁶ Дромология – буквально «наука о скорости» – проект Поля Вирилио (см., например: Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / Пер. с фр. И. Окуновой под ред. О. Никифорова и Б. Скуратова. М.: «Гнозис», «Прагматика культуры», 2002 [1998/99]). «Тирания момента» – название книги Томаса Х. Эриксона (*Эриксен Т.Х.* Тирания момента: Время в эпоху информации / Пер. с норв. под ред. В.Б. Цырлиной. М.: «Весь Мир», 2003 [2001]).

мере преждевременными являются заявления о «тирании момента» и преувеличенными – притязания дромологии⁶). А также о том, что *природа*, которую теоретики современных городов не раз пытались представить как уничтожаемую и безвозвратно уходящую, оказалась под ударом не сегодня и даже не вчера и одновременно она не теряет своей силы и не элиминируется до конца. Напротив, природа в сегодняшнем городе актуальна как никогда и в первую очередь связана с *человеческим телом*. Эти выводы Хаймора прямо следуют из ритманализа городского мира, поскольку, с одной стороны, именно ритманализ фиксирует соотношения ускоряющегося и замедляющегося, а с другой – основной механизм, инструмент ритманализа – это человеческое тело. Именно в этом ключе Хаймор предлагает мыслить «вне тирании парадигмы здорового тела» (р. 158) и создавать ритманализ, *исполняемый* «детьми... людьми в инвалидных креслах, почтальонами, велосипедистами, туристами, беженцами, бездомными и безработными» (pp. 157–158) и *предназначенный для них*.

Книга Хаймора не только тематически, но и «по духу» очень хорошо отражает состояние исследований города как науки, уже вступившей на перепутье, науки, которая оптимистично сделала движение вперед и приступила к опробованию различных возможных путей дальнейшего существования. Возможно, то, к чему она придет со временем, уже не будет соответствовать обозначению «наука». Но смыслы ярлыков не менее подвижны и изменчивы, чем сама реальность...